

ЗОЛОТАРЕВ А. А. CAMPO SANTO МОЕЙ ПАМЯТИ: МЕМУАРЫ. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА. СТИХОТВОРЕНИЯ. ПУБЛИЦИСТИКА. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ВЫСКАЗЫВАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ / РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ В.Е. ХАЛИЗЕВ; ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Д.С. МОСКОВСКАЯ. СПб.: “РОСТОК”, 2016. 960 с.

ZOLOTAREV, A. A. CAMPO SANTO OF MY MEMORY: MEMOIRS. CREATIVE PROSE. POEMS. JOURNALIST WRITING. PHILOSOPHIC WRITING. COMMENTARIES OF THE CONTEMPORARIES. ED. AND COMP. V. Ye. KHALIZEYEV; GEN. ED. D. S. MOSKOVSKAYA. SPb.: “ROSTOK”, 2016. 960 p. (IN RUSSIAN).

Культура народа <...> слагается <...> из миллиона незаметных дел, которые в сумме образуют великое и гармоническое целое.

А.А. Золотарев, письмо 1903 года.

Так вышло, что смерть составителя избранных трудов А.А. Золотарева, В.Е. Хализева, многократно усилила мемориальный характер книги “Campo Santo (святое поле, или кладбище. – А.Х.) моей памяти”. “Campo Santo...” стала памятником тому, кто всю свою жизнь был служителем культа памяти, верным хранителем воспетой Золотаревым “культуры малых дел” – народной, национальной культуры. Послесловие к изданию, озаглавленное цитатой из Золотарева “То, что было, вечно будет...”, отдает дань уважения ученому, не заставшему долгожданного выхода в свет итогового труда своей жизни. В.Е. Хализев, чья мать со второй половины 1910-х годов была членом Рыбинского естественно-научного общества, возглавляемого Золотаревым, в восьмидесятые годы прошлого столетия стал у истоков академического осмысления литературного и философского наследия этого писателя (перечень работ Хализева о Золотареве см. в кн.: *Хализев В.Е.* В кругу филологов. Воспоминания и портреты. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 222). Он сделал, все что смог, – *feci quod potui...* его друзья и ученики продолжили дело, подготовив к печати составленную им книгу.

Делом памяти была подготовка этого издания и для семьи А.А. Золотарева, прежде всего, для первого публикатора и верного соратника В.Е. Хализева в популяризации наследия гонимого при жизни и забытого после смерти писателя, его внучатой племянницы Анны Николаевны Аниковской. Ей мы обязаны восстановлением по семейному архиву поминальных очерков из восьмой тетради “Campo Santo моей памяти”, составлением истории семьи и рода Золотаревых и скрупулезными к ней комментариями. Она же взяла на себя тяжкий труд “дешифратора” золотаревского

“полуустава” – художественно-орнаментальной вязи его почерка.

Издание книги, вышедшей под грифом сразу трех научных учреждений (ИМЛИ РАН, Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, РГАЛИ), не могло состояться без участия большого авторского коллектива. Чрезвычайно важно, что в состав подготовителей вошел научный сотрудник Рыбинского историко-художественного музея, автор экспозиции, посвященной семье Золотаревых, О.С. Гожалимова. Взгляд человека “местного”, не понаслышке знающего имена и судьбы героев книги, опыт профессионального историка, которого местная (рыбинская, угличская, ярославская) топонимика отсылает не к географическим картам, а к собственной бытовой и трудовой повседневности, делают книгу уникальной. Сочетание в ней высокого академизма с местной конкретикой демонстрирует столь ценный Алексейем Алексеевичем синтез всемирной истории с историей местности “радиусом в 10 километров, в 3 версты” (С. 361), столичной науки с краеведческими разысканиями.

Не менее значителен вклад в книгу ученых ИМЛИ РАН, трудам которых (прежде всего М.А. Ариас-Вихиль – сотрудника Архива А.М. Горького) мы обязаны расшифровкой и комментариями к первой, никогда прежде не публиковавшейся части воспоминаний об А.М. Горьком, обнаруженной ею в архиве писателя в ИМЛИ РАН.

Жизнь Золотарева прошла “на перекрестье истории” – столь точный подзаголовок вступительной статьи дан Д.С. Московской, взявшей на себя труд воплощения давнишнего публикаторского замысла В.Е. Хализева. Воссозданная ею

биография писателя представляет его как “жителя своего города” – уроженца богатого театрального, художественного, литературного, торгового, купеческого, трудового-рабочего Рыбинска, открытого всем волжским свободолюбивым ветрам. Вступительная статья обрисовывает писателя как героя эпохи русского модерна, в судьбе которого дух времени явил себя особенно ярко и целостно. Сын рыбинского протоиерея, он оказался на духовном перекрестке разнородных влияний. Взамен старого культа в провинцию пришел культ писателя и подверг попавшей идеологическому перекодированию в марксизм, в социал-демократию. Новый, книжный культ был воспринят ими как долгожданное благоветие. В результате все молодое поколение семьи о. Алексея Золотарева разлетелось-развевалось по миру. А.А. Золотарев, в конце концов, обрел своего рода семью в кругу писателей-знаньевцев на Капри и духовного отца – в лице А.М. Горького. Однако с Капри он вернулся истинным краеведом и краеведом Ярославщины с отчетливым пониманием необходимости сохранения культуры русской провинции. Золотарев возглавил Рыбинское научное общество. Когда же оно было разгромлено в 1929–1930-е гг., он был сослан в Северный край и, вернувшись оттуда, не имел возможности работать и публиковаться. Новым делом его жизни стали траурные заметки “Campo Santo моей памяти”, в которых он скрупулезно и любовно собирал все оставшиеся в памяти черты облика, поведения, судьбы людей, встреченных им на жизненном пути.

Цель издания, как пишет Д.С. Московская, – “представить не в полном объеме, но в полноте разнообразия творческое наследие А.А. Золотарева” (С. 847). Ее достижение потребовало от исследователей немалых текстологических усилий: значительная часть произведений печатается по автографам из государственных и семейных собраний. Восемнадцать портретных зарисовок (впервые собранные воедино по письмам, интервью, мемуарам) представляют Золотарева как *труженика из “богатырского сословия”, пахаря, земледельца души*, “восприимчивых, способных воспитываться, расти” (С. 146). Воспоминания представляют Золотарева одаренным не только литературным, но и человеческим талантом. И потому не вызывает удивления круг его общения, куда так естественно влились И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, В.К. Лозина-Лозинский, Максим и Адам Богдановичи, С.А. Аскольдов. Тут было духовное сродство: общая для них способность к *безграничной любви к людям и к жизни* (С. 124), умение “сказать человеку ласковое слово, поделиться, чем может (часто последним)”, и этим примером заражать других (С. 132), делала их не столько друзьями, сколько родными людьми. Многим из них – ушедшим

раньше него, Золотарев посвятил мемориальные очерки, найдя удивительно точные, сердечные слова о каждом. Так, вспоминая И.М. Гревса, Золотарев писал: «Как благословляю сейчас я свое решение о поездке в Ленинград. Она дала мне возможность вдосталь повидаться с Иваном Михайловичем, подышать этим особым “тургеневским воздухом”, погреться в лучах его нежности и участия ко мне, взять в свое сердце что-то от его благодатных талантов общения с людьми, от его благодатной натуры и бережно хранить в себе как благодарную память об одном из своих друзей» (С. 589–590).

Публикуемые художественные произведения Золотарева (проза и стихотворения) в значительной мере автобиографичны. Повести “В Старой Лавре” (1908), “На чужой стороне” (1911), “Во едину от Суббот” (1913), “По престолом” (1918, с правкой 1949 года) – все это вехи не только внешней, но и духовной биографии писателя. Мы можем наблюдать ее этапы: от раннего богоборчества, порожденного *ненасытным и неудовлетворимым духом искательства* (С. 163), которым отмечено пребывание Золотарева в Киевской духовной академии и которым он наделил своих героев “В Старой Лавре”, от предельной революционности и европоцентризма, разделенных Золотаревым с русской студенческой эмиграцией из “Во едину от Суббот”, от яростного протеста против царской национальной политики, столь вызывающе обнаженного в репликах старого ссыльного поляка в избранной для публикации части из повести “На чужой стороне”, – к поиску великого будущего в великом прошлом, в духовных корнях российской истории, которым отмечен рассказ о родимой девщине, тысячелетнем Угличе “По престолом”.

Выбранные для публикации отрывки из повестей “Во едину от Суббот” и “По престолом” могли бы быть оспорены как не самые совершенные в этих произведениях. Однако очевидна их характерность для молодого, исполненного мессианских революционных ожиданий Золотарева, и потому их уместность в этой задуманной как *биографическая* презентация литературно-художественного творчества книге. На их фоне еще яснее и значительнее, еще радикальнее представляется перелом его мировоззрения, произошедший в 1914 году на Капри, отход от желания служить всему миру к жажде служить своей родине и через нее – человечеству: “Я воскресил в себе через Италию мою детскую любовь к русским городам, мое благоговение к тайнам и чудесам Божьего мира, мое, как метко назвал его Помяловский, тоже плод русского Campo Santo, кладбищенство, как он называл культ предков. После Италии я почувствовал себя истым русским, истым великороссом, истым

волжанином, истым рыбинцем – краеведом и краелюбом” (С. 737).

Новое состояние души, обретенное под влиянием трагических событий Первой мировой войны, отражает извлеченная из редких и труднодоступных изданий публицистика Золотарева: “Об устройстве Рыбинской городской публичной библиотеки”, “Документы и воспоминания Дж. Гильома”, “Запоздалое признание” (о статьях проф. Н.Ф. Каптерева о патриархе Тихоне как церковном реформаторе), “Бытописатель современного духовенства” (о С.И. Гусеве-Оренбургском), “Завязтый византиец или мокрая петербургская курица?” (о докладе В.В. Розанова во внутреннем кружке Рыбинского религиозно-философского общества, прочитанном 10 декабря 1916 года). С особой ясностью смену ориентиров представляет включенный в этот же раздел книги блок материалов по краеведению. Статьи “Новые пути краеведческого движения” и, особенно, “Наука ли краеведение или только метод?” призваны утвердить и отстоять краеведение не только как самостоятельную дисциплину, чуждую схоластики, но как мировоззрение, способное непротиворечиво совместить бесконечно малые величины жизни со вселенскими масштабами: “Если в биологии клетка является сейчас основным элементом жизни, подлежащим изучению пусть микроскопическому... то совершенно так же краеведческое, чуть ли не микроскопическое (с точки зрения столиц) исследование не теряет своей связи с наукой, потому что край во все эпохи исторической жизни человека на земле и решительно повсюду на планете есть, был и будет основной микрогеографической отдельностью” (С. 360). Золотарев предлагает “выяснить, что такое край... затем классифицировать эти микрогеографические отдельности и, наконец, найти ряд закономерностей в распадении географического целого *нашей планеты на многообразные небольшие части, органически и целостно связанные как внутри себя, так и между собой* (курсив мой. – А.Х.)” (С. 361). Такой “микрогеографической отдельностью”, забытой и ненужной пореволюционной российской истории, были старинные города, каменная летопись которых создавалась по воле князей, мещанскими вкусами купечества и церковным мракобесием. Федералистское стремление к созданию уникальной местной культуры и охранительное отношение к традиционным духовным ценностям, искони присущие провинциальным центрам, была призвана разоблачить задуманная А.М. Горьким популярная серия “История русских городов как история быта”. Но опубликованный фрагмент (“Революционный Ярославль”) из книги “Ярославль: История. Культура. Быт” (1933 – 1935), подготовленной Анциферовым и Золотаревым в рамках горьковского градоведческого

проекта стал, вопреки заданию, не прославлением революции, а плачем по художественному ансамблю города, утраченному в 1918 году, по забытой-зачеркнутой исторической миссии города быть духовно-культурным центром Верхней Волги: «Сказка ярославских куполов, нарядных и красочных ярославских домов и улиц, единственная по всей Волге Ярославская стрелка... погиб как раз Ярославль XVIII века, Ярославль французской культуры и вкуса, созданный воспитанниками энциклопедистов “по высочайше подтвержденному плану”» (С. 390).

Будучи уверенным в нераздельности краеведения и краелюбия – “одно без другого не мыслится, не делается, не достигает цели” (С. 449), – Золотарев являет собой актуальный и в наши дни пример *созидательного патриотизма*, способного соединить в себе любовь к малой родине с любовью ко всем государствам мира и ко всем его народам. Присущее Золотареву чувство жертвенной и всеобъемлющей любви дополняет и раскрывает во всей полноте образ его брата, библиотекаря Тургеневской библиотеки в Париже, Николая Золотарева, добровольного защитника Франции, убитого в боях на полях Шампани в 1915 году: «Благодарная любовь к Франции росла в нем с каждым годом пребывания в Париже. Союзная война связала в его сердце единой неразрывной любовью Россию и Францию. Вот как извещал он о своем поступлении добровольцем: “...нельзя оставаться в стороне, когда приведены в движение миллионы людей. И нет для меня сомнений, на какую сторону стать, а на которую-нибудь стать необходимо. Будем защищать прекрасный Париж – вторую родину”» (С. 115).

Смена мировоззрения под влиянием революционных событий в Золотареве была предрешена. Память детства, религиозное душеустройство оставались главными свойствами, определявшими его личность. “Железный самотек” XX века способствовал осознанию ценности этих дарованных поколениями предков сердечных свойств. Религиозно-философская публицистика открывает перед читателем особенную грань дарования писателя – его стремление к одухотворению мира, сознание его телеологичности: “Есть ли мир – Космос или Хаос и разложение? Течет ли он, подчиняясь толчкам энергии или Логосу, плану? Одним словом, мир существует по правде или он – призрак? Действует ли в мире необходимость – та грозная, которой так боялись античные греки, или светлая, радостная свобода?” (С. 453). Публикуемые “Тезисы докладов на собраниях Рыбинского религиозно-философского общества” (3 октября 1915 года Золотарев читал доклад “Владимир Соловьев и его предчувствие Антихриста”, 31 января 1916 года – “Святая Русь”, а 12 февраля того же года его

выступление было посвящено памяти Джордано Бруно) включаются в общий культурно-исторический контекст эпохи и дополняют его картинами провинциальной жизни, историей и деятельностью Рыбинского религиозно-философского общества, о котором мы мало что слышали, но которое жило, как оказалось, столь же напряженной жизнью, что и Петербургское и Московское.

Статья 1917 года “Воцерковление мира или обмирщение Церкви” удивляет своими пророчествами (“...может неожиданно получиться обмирщение церкви и дальнейшая, на этот раз решительная для православного русского народа дехристианизация жизни...” (С. 399)), а среди материалов из рукописной книги “Своею дорогой” особой актуальностью для духовных поисков XX века отмечено эссе “Вера и знание” (в нем показано, что “великие научные открытия... не противоречат истинам Откровения” (С. 409)), а также “Очерки по истории русского духовного сословия”, где (наряду с текстом “Богатырское сословие”) заявлена особая миссия в русской культуре и истории духовного сословия, русского священства. Эта миссия угадывается и в судьбе поповичей-Золотаревых, восстановленной в книге. Каждый из них — Сергей (педагог-краевед, автор исследований “литературного гнезда” ярославщины), Николай (библиотекарь, собиратель русской культуры, соиздатель *Rossica* на Капри и в Париже), Давид (выдающийся этнограф и антрополог) и сам Алексей — внесли неоценимый вклад в соиздание отечественной науки и культуры, послужив им “даже до смерти”.

Заключительный раздел книги не только по объему, но по значимости публикуемых в нем материалов, является ключевым. Неслучайно он дал название всему тому. Речь идет о мемуарном наследии Золотарева, который почти двадцать лет (со времен архангельской ссылки и до последних месяцев жизни) работал над рукописью “*Campo santo* моей памяти”. В общей сложности Золотаревым было написано 497 очерков о покинувших этот мир знакомых, друзьях, родственниках. Здесь нет “великих” и “малых”, смерть укладывает в один ряд писателя, артиста, ученого, печника, священника, железнодорожного врача. Всех тех, с кем сводила судьба автора, он не прекращал поминать, несмотря на голод и лишения, на то, что сам — вычеркнутый из жизни “лишеница”, балансируя на грани жизни и смерти. В мировоззренческом отношении “*Campo santo*...” перекликается с художественно-философской прозой Золотарева, с его юношескими предчувствиями собственного пути, отраженными в словах умирающего Юноши в адрес молодой революционерки из повести “В Старой Лавре”: “...если бы я и остался жить, я не пошел бы за вами, Лидия, потому что вы можете осчастливить живущих, но не можете спасти

умирающих, не можете и не хотите воскресить мертвых” (С. 215).

Для теоретиков литературы публикуемые мемуарные отрывки из двенадцати тетрадей представляют интерес как редкое полижанровое явление, заслуживающее самостоятельного осмысления. Как справедливо пишет Д.С. Московская, это свободный синтез народных поминальных плачей, эпитафий, церковных акафистов. В то же время это “генеалогическо-краеведческие очерки”, читая которые невольно вспоминается “Манифест для всех музеев” Орхана Памука: “Надоели музеи, которые пытаются поведать историю... нации, государства, народа... Мы устали от них. И мы все сознаем, что истории обычных людей будут намного богаче... чем история всех народов, вместе взятых”. История обычных людей, жителей Рыбинска, поведанная “не мудрствуя лукаво”, содержит важнейший методологический заряд. Бросается в глаза тщательная проработка деталей, бытовой информации. Золотарев отдавал себе в этом отчет, когда писал, что его зарисовки “отражают в себе достаточно ясно влияния эпохи, рисуют многогранность обстановки, среди которой приходилось жить их автору, и тем самым представляют собою исторический документ” (С. 798). Среди именитых — Ферсмана, Шаляпина, Пятницкого, Горького, Исаака Бродского, Качалова, Гревса — мы встретим бабушку В.Е. Хализева из священнического рода Зинаиду Ивановну Нифонтову, рыбинского врача Конст. Ливанова и печника дядю Мишу Ботева — бесконечно малые величины в истории русской науки и культуры, предельная индивидуализация истории — этакая “История села Горюхина”. Вот, что пишет Золотарев о дяде Мише Ботева: “Глядя на него самого и на его работу, я с горечью вспоминал о не вышедшем в свет, но так хорошо задуманном мною третьем издании Путеводителя по Рыбинску. <...> Так хорошо намечались темы: плотники, судовщики, каменщики, рыбаки... Дядя Миша так и остался в моей памяти мастером своего печного дела, человеком, заслуживающим глубокого *вдумчивого краеведческого внимания*. *Ведь, по существу, именно такими людьми упорного, непрерывного труда, наследственно воспринятого от своих отцов и дедов, держится всякая культура*” (курсив мой. — А.Х.) (С. 594).

Эти слова могут послужить эпиграфом к “*Campo santo*...”, ключом к пониманию его миссии. Перед нами не только синодик. Это исследование, предметом которого являются люди упорного, непрерывного труда, воспринятого от отцов и дедов. Именно они, по Золотареву, являются носители культуры и потому *стоят краеведческого внимания*. Бесконечно малая величина — не просто метафорический перенос в гуманитарные науки понятий математических. Для Золотарева это

социально-нравственная и социально-экономическая категория, столь дорогой для него метод краеведения как науки о конкретном, “личном” существовании.

Для историков (в самом широком смысле) “Сампо santo...” – источник ценной фактологии. Отдельные воспоминания (в которых приведены письма, отзывы, восстановлены диалоги) посвящены Вас.И. Немировичу-Данченко, Масарику, И.Д. Сытину, К.П. Пятницкому, И.И. Бродскому, Ю.М. Соколову, И.М. Гревсу, В.Н. Фигнер, Н.А. Морозову, А.А. Ухтомскому, В.В. Вересаеву, В.И. Качалову, Н.А. Бердяеву. Иначе как блистательным не назовешь неизвестный ранее очерк о Горьком. Золотарев трижды был на Капри (осенью 1907 года, с лета 1908 до весны 1909, а также с лета 1911 до конца 1913), и Горький ввел его в большую литературу. Очерк ценен красочными воспоминаниями не только о самом классике как о “драгоценном камне, вставленном в чудеснейшую оправу средиземноморского островка” (С. 464), но и его многочисленных гостей на этом “острове улыбок”: В.А. Десницком, А.В. Лучначарском, А.В. Амфитеатрове, А.С. Новикове-Прибое, В.Я. Брюсове, М.М. Коцюбинском и др. Там же, на Капри, Золотарев услышал признание Ф.И. Шаляпина о том, как только дважды в жизни он пел самозабвенно, не помня себя: «Первый раз по просьбе каких-то двух старушек. “Глядя на луч пурпурного заката” – начал как будто нехотя, и как будто забылся. Второй раз – в Нижнем или Казани, зашел утром в простенькую, невидную церковь и спел там обедню» (С. 507). Там же он познакомился с И.А. Буниним, к созданию очерка о котором Золотарева подтолкнула ошибочная весть о смерти писателя, близкого мемуаристу своим убеждением в том, “что горные вершины литературы, в частности русской, лежат не впереди, а сзади” (С. 779). Там же Золотаревым был задуман ненаписанный цикл “Неаполь и неаполитанское поморье как местопребывание русских писателей”. То был очередной (уже не символистский, а новый) всплеск интереса русских писателей к Италии, о котором в появившихся тогда “Образах Италии” (первые два тома – 1911 – 1912) П.П. Муратов еще не успел сказать, и который еще предстоит, с опорой на воспоминания Золотарева, осмыслить современному литературоведению.

Если отвлечься от структуры вышедшего тома и обратиться к его проблематике, то, находясь в своеобразном магнитном поле Золотарева, нельзя не почувствовать на себе действие разбуженных им идей-сил (*les idées-forces*). Внутреннее отторжение от абстрактного теоретизирования любого рода приводит к тому, что концептуальная основа в наследии Золотарева потребует от будущих интерпретаторов дополнительных усилий

по ее извлечению и формулированию. Уже сейчас очевидно, что перед нами один из крупнейших представителей *нравственно ориентированной философии жизни* (наряду с С.А. Аскольдовым, И.М. Гревсом, М.М. Бахтиным и др.), и в центре ее оказывается личность. В персоналистских высказываниях Золотарева (“Мир не безличен...” (С. 404)) угадывается влияние Ухтомского с его идеей “личности, пронизывающей собою все мироздание” (С. 682), а также Бердяева, который посвятил “свое рыцарское служение пером писателя” раскрытию “истины о великой значимости личности человека” (С. 821 – 822). По Золотареву, личность должна обладать чувством гармонии с миром и вниманием к другому человеку: “Соединение всех – это последняя, завершающая цель соединения в Боге” (С. 415). Единение людей, у которых не совпадают взгляды и убеждения, может осуществиться через книгу (Слово). “Во второй половине XIX столетия, – напоминает Золотарев, – у нас размножаются библиотеки, и над созданием их работают самые разнообразны учреждения, богатые коллекции книг собирают у себя самые несхожие между собой, часто враждебные друг другу люди” (С. 336). В годы Второй мировой войны осознание этого стало особенно острым. Наконец, личность, находящаяся в центре нравственно ориентированной философии жизни, должна иметь непосредственное отношение к традиционным ценностям и культуре, осознавать свою ответственность перед близкой реальностью (краеведение – практическое следствие этого осознания) и быть внутренне свободной. Золотарев чужд “духовному футуризму” (выражение С.Н. Булгакова) и ориентирован не только на бережное отношение к историческому прошлому, но также на классическую картину мира, в основе которой – ценность красоты (ср. со словами о. Порфирия из рассказа “По престолам”: “Красоты, красоты сколько нашел ты у себя в дедевщине (ударение – на второй слог. – А.Х.)... Береги ее: от глубокого прошлого досталась она нам в наследие... Какое созвучье, песню какую в жизни спеть можно” (С. 318)), преобладание гармонии, а не хаоса. Открытия физиков в области строения атома и его искусственного расщепления (как это ни парадоксально на первый взгляд) лишь укрепили Золотарева в собственной правоте: “...всякое нарушение гармонического единства рождает дальнейшее разрушение, сметающее все вокруг себя. Этот силовой, можно сказать, богатырский взрыв энергии является и в случае нарушения сыновнего послушания при отходе блудного сына в страну далече” (С. 442). И, разумеется, личность должна быть причастна мировому целому. “Я верю, – говорит один из персонажей Золотарева, – скоро придет Новая Религия; она снова надолго осветит путь Человеку, новым светом своего сознания

она зажжет сердце Человека пламенной любовью не только к самому себе, но и ко всему живущему во Вселенной...” (С. 217). И в словах этих невольно прочитывается влияние, оказанное на писателя как Н.Ф. Федоровым, так и Н.А. Морозовым. Показателен ответ знаменитого революционера-народника на вопрос о том, как же ему удалось просидеть в крепости почти тридцать лет: “...я не в крепости сидел... я сидел во Вселенной” (С. 807).

Издание избранного А.А. Золотарева должно разбудить интерес к этому блистательному писателю, мемуаристу, мыслителю, яркому представителю духовной культуры советского периода. Вышедшая книга прекрасно иллюстрирована, и здесь вновь особая благодарность А.Н. Золотаревой, передавшей в Рыбинский музей семейные фотографии, и самому музею, эти фотографии представившему для публикации, а претензии к ней могут сводиться разве что к отсутствию именного указателя и содержательных (а не просто цифровых) подзаголовков для тетрадей из “Campo santo...”.

Однако при желании сплошной просмотр примечаний поможет специалистам преодолеть этот простительный недостаток. Тем более что такие долгожданные книги, как эта, задумываются не только для работы, но и для чтения... От начала и до конца!

А.А. Холиков

*Доктор филологических наук,
доцент кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1
aakholikov@gmail.com*

*Alexey A. Kholikov
Doctor of Philological Sciences,
Associated Professor at the Department
of Theory of Literature
of Philological Faculty of Lomonosov Moscow State
University,
Leninskie gory, GSP-1, Moscow 119991, Russia,
aakholikov@gmail.com*

К ЧИТАТЕЛЯМ

“Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка” – старейший общелингвистический журнал, основанный в 1852 г. академиком И.И. Срезневским. Он продолжает традиции отечественной филологии и призван отражать современное её состояние.

В журнале публикуются статьи по проблемам лингвистики, истории русской и зарубежной литературы, теории литературы, фольклористики, а также искусствоведения. Одна из постоянных рубрик воскрешает забытые или малоизученные страницы истории филологической науки в нашей стране. Среди авторов “Известий” – академики, члены-корреспонденты РАН, сотрудники академических институтов, крупнейшие специалисты Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, видные зарубежные ученые.

Подписка на издание принимается во всех отделениях связи. Подписной индекс: 70354. В розничную продажу журнал не поступает.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Рукопись предоставляется в электронном виде (обязательно) и в распечатке (желательно).
2. Заглавие дается на русском и английском языках.
3. Основной текст должен предваряться краткой аннотацией (минимум 100 слов) и перечень ключевых слов на русском и английском языках.
4. Завершает статью нумерованный библиографический список (*Список литературы*), где указывается фамилия автора, его инициалы, выходные данные цитируемого или называемого труда. Работы нумеруются в порядке их упоминания в тексте. В тексте статьи присвоенный данной работе номер дается в квадратных скобках с указанием страниц, например: [1, с. 128]; [7, с. 10–12]. При повторном упоминании используется указанный номер.
5. В связи с необходимостью включения журнала в международные базы цитирования каждая позиция библиографического списка на русском языке должна сопровождаться латинской транслитерацией и переводом на английский язык. Образцы оформления библиографии смотрите на сайте журнала: www.izv-oifn.ru
6. Допускаются текстовые подстрочные примечания – в порядке сплошной нумерации.
7. К статье прилагаются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы и занимаемая должность, телефон, почтовый и электронный адрес. Сведения предоставляются на русском и английском языках.
8. С порядком рецензирования предоставленных в редакцию материалов можно ознакомиться на сайте журнала: www.izv-oifn.ru
9. Автор должен ознакомиться с условиями Лицензионного договора, который заключается после одобрения материала рецензентами и членами редколлегии. Текст Договора размещен на сайте Издательства “Наука” www.naukaran.com; его также можно получить по электронной почте Управления по выпуску журналов: yvg@naukaran.ru.

INFORMATION FOR READERS

The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language (Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka), founded in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky, is the oldest academic journal in Russia for scholars of philology. The journal carries on the Russian philological traditions while seeking to publish innovative research.

The journal features original contributions on linguistics, history of Russian and World literature, literary theory, folklore studies, and related areas of history of art. One of the journal's main sections is devoted to resurrection of undeservedly forgotten and neglected events from the history of philological scholarship in our country.

Among our contributors there are Academicians and correspondent members of the Russian Academy of Sciences, researches from academic institutes, many internationally recognized scholars from Moscow, Saint Petersburg, different Russian regions, as well as eminent scholars from other countries.

A Journal subscription is available at any post office of the "Russian Post" (catalogue index 70354). Single issues are not currently available for sale.

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES

1. Please submit articles in electronic form (required formats – "doc" or "docx"); a paper copy is optional.
2. The title of the article should appear in two languages – Russian and English.
3. Preface each article with a self-contained, one paragraph abstract (about 100 words) and a list of key words – both in Russian and in English.
4. The article should be followed by a numbered list of sources (Works Cited), giving full publication information for each of the sources (last names and initials of the authors, the title, the place and date of publication, etc.). The entries should be arranged according to their order of appearance in your text. In-text citations are given in square brackets and show the number of the source in the Works Cited list and a page number. For example: [1, p. 73]. When citing the same source multiple times, please use its initially assigned list number.
5. Since the journal should be accessible to search engines and should answer the international academic databases requirements, each Russian entry on the Works Cited list should be transliterated into the Latin alphabet and translated into English. Sample bibliography lists can be found at our site: www.izv-oifn.ru.
6. Footnotes, if used, should be numbered in a consecutive series.
7. On a separate page, please include your personal information: full name (last name, first name and patronymic); scholarly degree; affiliation and job title; telephone number; e-mail address and postal address. Preferably submit this information in two languages – Russian and English.
8. We follow a policy of anonymous peer-reviewing; the process is described at the Journal's site: www.izv-oifn.ru.
9. The contributors are required – in advance – to read the Licence agreement, which would be offered for signing in case the article is positively reviewed and accepted for publication. The text of the Licence agreement is posted at the site of "Nauka" Publishers: www.naukaran.com. Further information about this agreement can be requested via e-mail: yvg@naukaran.ru ("Nauka" Journals Publishing Management).

Сдано в набор 27.10.2017 г. Подписано к печати 09.01.2017 г. Дата выхода в свет 26.02.2018 г. Формат 60 × 88¹/₈
Цифровая печать Усл. печ.л. 10.0 Усл.кр.-отт. 2.3 тыс. Уч.-изд.л. 10.0 Бум.л. 5.0
Тираж 215 экз. Зак. 1962 Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука» РАН, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099 Москва, Шубинский пер., 6